

А. В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3

ББК ШЗЗ3(2Рос=Рус)5-44

ФРИДРИХ НИЦШЕ В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XIX ВЕКА: ИРОНИКИ И АДЕПТЫ (А. П. ЧЕХОВ И П. Д. БОБОРЫКИН)

Аннотация: В статье рассматривается рецепция философских идей в русской критике и в художественной литературе. Первопроходцем в области переноса их в область художественной прозы был П. Д. Боборыкин. В своем романе «Перевал» он представил тип русского ницшеанца. При этом писатель в значительной степени следовал модному тренду, уже установившемуся в Западной Европе. Это адепт Ницше. На материале таких произведений, как «По делам службы», «Чайка» и «Вишневый сад», раскрывается сложное отношение А. П. Чехова к идеям немецкого философа. Отмечается неоднозначность и динамичность этого отношения русского классика к автору «Так говорил Заратустра». Специфической особенностью рецепции идей Ницше Чеховым является то, что он не знал и не читал философские труды Ницше в оригинале, а лишь в отраженном виде. Высказывается предположение, что один из полемических интертекстов рассказа «По делам службы» – роман П. Д. Боборыкина «Перевал».

Ключевые слова: Ф. Ницше, А. П. Чехов, П. Д. Боборыкин, русский ницшеанец, личностный индифферентизм.

Рецепция Ницше в России началась примерно через два десятилетия после появления работ философа на родине. Первые русские исследования о Ницше выйдут в 1892 и 1893 гг. Однако, помимо научных и научно-популярных изысканий, были отклики на идеи немецкого философа и в иной форме – художественной. В этом отношении интересно обратиться к двум писателям-современникам, по-разному отразившим ницшеанские идеи в своих художественных произведениях. Это А. П. Чехов и П. Д. Боборыкин.

Труды философа на языке оригинала были Чехову недоступны в силу недостаточного владения немецким языком. С идеями Ницше он познакомился опосредованно: скорее всего, через аналитические статьи современников. Так, вряд ли он оставил без внимания работы такого авторитетного критика, как Н. К. Михайловский, который в 1894 году на страницах «Русского богатства» в номерах 8, 11 и 12 опубликовал сразу три статьи о Ницше. Могла привлечь внимание писателя и статья Н. Я. Грота [Грот 1893: 129-154]. Единственное развернутое упоминание Чехова о Ницше встречается в письме к

Суворину от 25 февраля 1895 года: «С таким философом, как Нитче, я хотел бы встретиться где-нибудь в вагоне или на пароходе и проговорить с ним целую ночь. Философию его, впрочем, я считаю недолговечной. Она не столь убедительна, сколь бравурна»¹. «Бравурность» философии Ницше, вообще-то говоря, не относится к ее резким отличительным особенностям. Однако данная оценка важна для поиска источника, который мог дать основания Чехову для таких слов. Вывод о бравурности писатель мог сделать на основании реферативной статьи анонимного автора – «Идеи Фридриха Ницше», опубликованной как раз в февральском номере «Вестника иностранной литературы» за тот же 1895 год. Ее автор, разбирая ключевые идеи немецкого философа, одной из них признает наличие двух моралей: морали господ и морали рабов. Последнюю отличают две особенности – пессимизм и утилитаризм: «...в утилитаризме отражается демократический характер, а в пессимизме – христианский дух этой морали. Обе эти черты – симптомы жизни нисходящей, вырождающейся, отрицающей самое себя. *Наоборот, "мораль господ", мораль аристократическая или героическая, обличает жизнь восходящую, торжествующую, развивающуюся, утверждающую самое себя*» [Б. а. 1985: 198]. Очевидно, что Ницше идентифицирует себя не с рабами и их моралью, а с господами. Итоговый вывод автора статьи еще больше акцентирует «бравурное» начало во взглядах Ницше: «Он проповедует прежде всего – веселие, жизнерадостное настроение, радость творчества, радость страдания даже» [Б. а. 1985: 206]. Нечто похожее ранее писал и Михайловский: «Ницше естественно становится во враждебные отношения к пессимизму и аскетизму. Его философия есть “веселая наука”» [Михайловский 1894: 121]. Единственная прямая оценка Чеховым немецкого философа отличается краткостью, что, очевидно, не в последнюю очередь обусловлено доступностью тех источников, из которых черпались сведения.

Есть еще один отклик на идеи Ницше, с содержанием которого Чехов наверняка был знаком. Автор его – А.С. Суворин. Речь идет об очередном «маленьком письме», опубликованном в «Новом времени» 19 января 1895 года. Оно посвящено разбору книги, подписанной криптонимом – «?». Книга анонима называется «О женщинах. Мысли старые и новые». Суворин делает краткий обзор образов женщин у

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука. 1974-1982. Письма: в 12 т. Письма: Т. 6. С. 29. Далее ссылки на это издание даются в основном тексте с указанием серии (С – сочинения, П – письма), тома и страницы.

разных русских авторов, а затем переходит к Ницше: «Обращаюсь к одному иностранному писателю, которого у нас знают мало. Это – Ницше, немецкий философ, теперь сумасшедший. (Говорят, он польского происхождения). Это – проповедник аристократизма ума, таланта и силы, ненавистник толпы и т.н. униженных и оскорбленных. В последней своей книге «Антихрист» он является даже ярким врагом христианства именно потому, что оно стоит за слабых и униженных. По таланту это – человек необыкновенно блестящий и своеобразный. И о женщинах я встретил у него очень яркую мысль, которую рекомендую г.? Он говорит, что дружба существовала между мужчинами только в древние времена, тогда мужчина стоял около мужчины, и потому мы видим там такие блестящие дела и подвиги. Они поддерживали друг друга, сила и доблесть опирались на силу и доблесть. В новые времена, вместо дружбы, явилась идеализированная половая любовь, явилась женщина с своими претензиями на исключительную любовь к ней и своей страстью разорвала солидарность между мужчинами и принизила все то, что было тогда так высоко и бескорыстно» [Суворин 2005: 473].

Одним из доказательств знакомства Чехова со взглядами Суворина на Ницше является письмо к владельцу «Нового времени» от 13 апреля 1895 года, где передается впечатление от романа Генрика Сенкевича «Семья Поланецких»: «Семейного счастья и рассуждений о любви напущена чертова пропасть, и жена героя до такой степени верна мужу и так тонко понимает «сердцем» Бога и жизнь, что становится в конце концов приторно и неловко <...> Сенкевич, по-видимому, не читал Толстого, не знаком с Нитче, о гипнозизме он толкует, как мещанин...» (П, 6, 54). Слова о Ницше двунаправлены: помимо оценки польского писателя, они вдобавок имеют характер скрытой самооценки. О себе Чехов, очевидно, имел право сказать, что он «знаком с Нитче». Еще одно замечание: Ницше поставлен в один ряд с Толстым, что может служить доказательством высокой оценки немецкого философа, а также косвенным свидетельством знакомства Чехова с работой Н. Я. Грота, первым в русской периодике сопоставившим Толстого с Ницше в статье «Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой». По мнению Чехова, писатель, взявшийся за исследование проблем семейного счастья и любви, не может обойти стороной такие авторитеты, как Толстой и Ницше. Проблема счастья и любви воплощена у Чехова в «Даме с собачкой». Толстой по прочтении рассказа сразу уловит его ницшеанскую «подоплёку», заметив: «Это всё Ницше».

Рецепция Чеховым Ницше была не прямолинейна и носила

дискретный характер. Были периоды обостренного внимания к философу, и было время, когда Ницше особо не занимал сознания писателя. Первоначальный интерес Чехова к Ницше был подогрет не только критическими и реферативными работами в отечественной периодике, но и произведением русского автора.

В 1892-1894 гг., когда идеи Ницше только-только начинали обсуждаться в литературных, критических и философских кругах, П. Д. Боборыкин одним из первых вывел русского ницшеанца в романе «Перевал»¹. «Этот роман, как и более поздние произведения Боборыкина, сделали для внедрения в сознание читателей ясной и узнаваемо русской версии ницшеанства больше, чем все цензоры, редакторы, клеветники и даже популяризаторы вместе взятые», – замечает современный исследователь [Клюс]. Был известен этот роман и Чехову.

Часто цитируется фраза из письма Чехова, которая относится ко времени его работы над повестью «Три года»: «Лавры Боборыкина не дают мне спать, и я пишу подражание “Перевалу”» (П., 5, 321). Письмо датируется 29 сентября 1894 года. В это же время, в сентябрьском номере журнала «Русское богатство» за 1894 год, была опубликована обширная статья М. А. Протопопова «Свободное творчество», посвященная разбору, а точнее – разгрому «Перевала»². Критик предпослал статье эпиграф, взяв для него фрагмент из поэмы Н. А. Некрасова «Саша»:

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет.
Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;
Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

Такой эпиграф, с точки зрения критика, передает суть таланта Боборыкина – его моментальную отзывчивость на текущие события, которая в минимальной степени окрашена личностным отношением автора к тому, что он «отражает». Протопопов отмечает два качества,

¹ Елена Нымм считает, что еще раньше, чем Боборыкин, русского ницшеанца представил Иероним Ясинский в заглавном герое романе «Учитель» (1886): «В основу учения Поморова, как нам кажется, положена книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883-1885). Знакомство Ясинского с философией Ницше, по-видимому, произошло в начале 1880-х г., хотя прямых указаний на это мы не имеем. Можно предположить, что Ясинский ознакомился с первыми книгами трактата Ницше в оригинале, так как прекрасно владел основными европейскими языками» [См.: Нымм].

² См. также более раннюю работу о П. Д. Боборыкине: Протопопов М. Беллетрист-публицист // Русская мысль. 1892. № 11-12.

которые писатель «блистательно обнаружил и счастливым образом соединил» – «смелость прямолинейного новатора с заискивающей ласковостью литературного неопита, который не знает, как ему быть и к какой стороне следует ему пристать» [Протопопов 1894: 101].

Заглавие статьи Протопопова – «Свободное творчество» – провокативно, потому что ожидаемые положительные коннотации оказываются мнимыми. Творчество Боборыкина названо «свободным», «потому что “позывы”, которыми он руководствуется, не подлежат ни суду разума, ни суду нравственного чувства. Это творчество в полном смысле слова свободное, не признающее решительно никаких обязательств» [Протопопов 1894: 102]. Далее рецензент развивает свою мысль, замечая, что «г. Боборыкин провозглашает не эстетическую только, но и нравственную свободу. В этом – основная идея его нового романа» [Протопопов 1894: 102].

Роман Боборыкина многогероен и сюжетно многолинеен. Нас интересует в нем один персонаж и одна сюжетная линия. Образ русского нищезанца воплощен у Боборыкина в образе Юрия Петровича Лыжина. Автором романа он показывается «не как случайный характер, а как тип, и олицетворяет в его особе тот общественно-идейный “перевал”, который мы будто бы переживаем теперь» [Протопопов 1894: 105]. Это тип «тоскующего семидесятника», которому на смену приходит «восьмидесятник», воплощенный в образе Кострицина. Смена типов связана, согласно Боборыкину, со сменой философской парадигмы. Нищезанское начало своеобразно «поделено» автором между этими двумя героями.

В образе Лыжина Боборыкин уловил нечто сущностное, а именно: популярные философские идеи современности, будучи перенесенными из Западной Европы на российскую почву, неизбежно испытывают некие трансформации, приспособляясь к другой социальной действительности и к другой ментальности. Несомненным достоинством Боборыкина было отличное знание им европейской бытовой и духовной жизни. Он смог чутьем уловить вектор развития нарождающихся идей и веяний. В этом-то и заключалось «прямолинейное новаторство» писателя.

Сущность взглядов Лыжина выражают его слова: «Я не предал никого; я не продаю и себя никому и ничему; но я не верю в то, во что вы уверовали – с тех пор, как, возмутившись фальшью и бездушием западного лжерадикального буржуа, вы стали ратовать за мужицкую общинную правду. Я готов был бы и теперь служить «идее»; но где она и как это делать – не знаю. Не клянусь вас и всех, кто пошел дальше вас, за то, что сам близок к душевному банкротству; но чувствую, что

завещанного вами дела я делать не буду...» (1, 48)¹.

Лыжин хвалит Шопенгауэра, Гартмана и Ницше. Это и дало основания Протопопову, а вслед за ним и Михайловскому, признать Лыжина ницшеанцем. Показательно, что сам Боборыкин в статье, написанной пятью годами позже романа и посвященной памяти первого популяризатора идей Ницше в России, В.П. Преображенского, считал, что ницшеанцем в его «Перевале» является Кострицын – «амбарный Сократ», которому, как признавался сам Боборыкин, были приданы черты портретного сходства с Преображенским [Боборыкин 1900: 540].

Суть позиции Протопопова относительно идеи романа выражена без обиняков – «мы отрицаем самый диагноз г. Боборыкина. Никакого такого “перевала” в смысле общественно-исторического явления перед нами нет, а есть ряд частных “перевалов” – перевал г. Лыжина, перевал сочувствующего ему г. Боборыкина» [Протопопов 1894: 106].

Смысловое ядро романа, по мнению Протопопова, связано с Ницше, который признается «таинственным вдохновителем» автора «Перевала»: «Не знаем, кого поздравлять – г. Боборыкина ли с таким учителем, как Ницше, или Ницше с таким учеником, как г. Боборыкин» [Протопопов 1894: 115].

Роман Боборыкина дал импульс и Н. К. Михайловскому для анализа не столько русского ницшеанца, сколько самой философии Ницше. Сделано это было через два месяца после статьи Протопопова «Свободное творчество», в том же «Русском богатстве».

Отмечая приоритет Протопопова в исследовании русского ницшеанца, Михайловский тоже признает таковым Лыжина. В своем очередном обозрении «Литература и жизнь» он подхватывает посыл предшественника, но вносит в него одно существенное уточнение. Называя автора «Перевала» «юрким беллетристом», он замечает, что тот «успел уже изобразить русского ницшеанца, правда, вкривь и вкось толкующего учение учителя; и, может быть, это не вполне изобретение г. Боборыкина, а есть в нем нечто и от подлинной жизни» [Михайловский 1894: 111]. Последняя оговорка знаменательна: роман Боборыкина для Михайловского – симптом, свидетельствующий о реальном интересе к немецкому философу в русском обществе². Боборыкин сыграл роль чуткого барометра,

¹ Боборыкин П. Д. Перевал // Вестник Европы. 1894. № 1 – 6. Далее ссылки на это издание даются в основном тексте с указанием в скобках номера журнала и страницы

² О распространении моды на Ницше в широких кругах интеллигенции свидетельствует факт, что доктор Николай Коробов был увлечен немецким философом. «Чехов даже

предсказавшего усиление этого интереса. Михайловский, свободно владевший немецким языком, с опорой на подлинные тексты Ницше, пытается дать своего рода свод особенностей, отличающих мировидение автора «Так говорил Заратустра». Отметим те моменты его работы, которые могли привлечь внимание Чехова.

Михайловский отмечает *художественность формы* Ницше: «Книги лучшего периода Ницше представляют, конечно, лучшие образцы немецкой прозы, не исключая Гете и Шопенгауэра» [Михайловский 1894: 112]. Можно отметить и близость «творческой лаборатории» Ницше и Чехова. Отмечая, что «лишь немногие из сочинений Ницше изложены в систематическом порядке», Михайловский далее пишет: «*Местами получается нечто вроде записной книжки, куда автор заносит свои мысли в том случайном беспорядке, как они ему приходят в голову*» [Михайловский 1894: 114]. Сходство Чехова с Ницше можно усмотреть и в их отношении к пессимизму как установившейся доминанте социального поведения. Основная причина охватившего русское общество пессимизма виделась современниками писателя в осознании глубокого разлада «между нашим мирозерцанием и формами частной и общественной жизни» [Иванюков 1885: 42]. Другая позиция была у Чехова. Невольным союзником для автора «Студента» мог выступить немецкий философ. «Уже в первом сочинении Ницше, “Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik”, имеющем характерный подзаголовок – *oder Griechenthum und Pessimismus*, заключается мысль, что трагический исход борьбы с роковыми силами не обязывает к мрачному взгляду на жизнь» [Михайловский 1894: 121].

Протопопов и Михайловский обратились к идеям Ницше во многом под воздействием романа Боборыкина, можно сказать первого признанного ницшеанского произведения в русской литературе. Через несколько лет в русском переводе появляются непосредственно тексты Ницше. Журнал «Жизнь» в 1898 году, то есть когда Чехов активно работал над рассказом «По делам службы», публикует «Предисловие Петра Гаста к соч. Фр. Ницше “Так говорил Заратустра”». Публикацию сопровождает оговорка, свидетельствующая о мере новизны материала и его остроте: «Помещая статью П. Гаста, ценную как ясное и яркое изложение взглядов Фр. Ницше, редакция считает необходимым заметить, что многих из этих взглядов она далеко не разделяет» [Предисловие Петра

просил Коробова перевести для него отрывок из книги Ницше, думая вставить его в пьесу». См.: [Рейфилд 2005: 807].

Гаста 1898: 312].

Годом ранее князь Д. Н. Цертелев посвящает разбору современной европейской философской мысли большую работу. Находится место в ней и для анализа идей Ницше. В частности, критик замечает: «У него (Ницше – А.К.) перемена мыслей зависит не от ясного сознания безошибочности новых, а от чувства смутной неудовлетворенности старыми, от какого-то юношеского, но болезненного брожения, заставляющего его *искать в области мысли не истины, а свободы*» [Кн. Д. Цертелев 1897: 62]. Последние слова особенно значимы, так как их можно признать точкой соприкосновения Ницше с Чеховым.

Добавим к сказанному, что, по мнению М. П. Громова, «Мережковский написал “Причины” («О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» 1893 г. – А. К.) по возвращении из Европы, под обаянием модных поветрий, под влиянием Ницше...» [Громов 1989: 122]. Начатый ряд можно было бы продолжать.

Итак, к концу 90-х годов имя Ницше известно в широких литературно-художественных кругах, идеи немецкого философа обсуждались в периодике и в частных беседах. Очень быстро сложилась своего рода мода на Ницше. Это не преминул отметить всё тот же точный социальный диагност П.Д. Боборькин: «Без налёта ницшеанства нет ведь теперь эстета, желающего быть “на высоте положения”» [Боборькин 1900: 545].

«Ницшеанство» Чехова можно рассматривать в разных аспектах. Если Чехов – художник-философ, то Ницше – философ-художник. В этом их сходство и различие. Для русского писателя немецкий философ важен в большей степени не сам по себе, а в отраженном виде, в той мере, в какой его идеи преломились в современной литературе, повлияли на нее. *У Чехова следует искать, в первую очередь, не прямого творческого воплощения философских постулатов Ницше, а опосредованного, то есть отражение чужого отражения.* Одно из таких первичных отражений как раз и принадлежит П. Д. Боборькину.

В качестве небольшого экскурса остановимся на истории отношения Чехова к Боборькину. Свой первый опус Пётр Дмитриевич опубликовал в год рождения Чехова и к моменту вступления в литературу Антоши Чехонте был уже маститым беллетристом. На протяжении длительного времени он находился в круге чтения Чехова. Первое упоминание плодovitого писателя находим в «Календаре

“Будильника” на 1882 год» [С., 1, 147]. Первоначальная оценка юмористом старшего современника была невысока. В том же «Календаре “Будильника”» сказано: «Боборыкин и Маркевич великие писатели» [С., 1, 155]. Для понимания смысла записи нужно вспомнить об особости 1 апреля, которым помечена фраза. Это день трагической «наоборотности». Так что оценка Боборыкина и Маркевича антистетична календарной. Таков один полюс чеховского отношения к Боборыкину. Другой, положительный, может быть раскрыт на примере эпизода, когда Чехов настойчиво предлагал Боборыкина в почетные академики от литературы. Произойдет это уже в 1900 году. В пространстве этого биполярного широкого смыслового «поля» располагалась динамичная оценка Чеховым старшего современника.

Следует отметить, что Чехов знал Боборыкина и как человека по рассказам брата. По свидетельству Михаила Чехова, Иван, «еще до поступления своего в учителя, нуждаясь в заработке, ходил через всю Москву к жившему тогда в Сокольниках писателю П.Д. Боборыкину записывать под его диктовку» [Чехов М.П. 1981: 61]. Чехов и Боборыкин были и лично знакомы и неоднократно встречались.

Чехов следил за творчеством Петра Дмитриевича на протяжении длительного времени. Сохранился его характерный отзыв о позднем произведении старшего современника в письме к О. Л. Книппер от 7 января 1901 года: «В “Вестнике Европы” только что прочел повесть Боборыкина “Однокурсники”. Повесть прескверная, скучная, но интересная, – в ней изображается Художественный театр и восхваляется М. П. Лилина. Ты прочти. Идет речь о “Чайке” и “Дяде Ване”». Наверное, такая амбивалентная оценка – «прескверная, скучная, но интересная» – с необходимыми поправками приложима и к другим произведениям писателя. Для нас здесь важно то, что фактически Чехов указывает на два кода, с помощью которых надо читать Боборыкина: первая часть, «прескверная» и «скучная», связана с художественным дискурсом, а вот «интересная» – с дискурсом биографическим и публицистическим.

Многие поздние рассказы Чехова являют собой итог длительных раздумий писателя над теми или иными проблемами, первые подступы к которым были сделаны в более ранних его произведениях. Рассказы имеют сложную «корневую систему» и связаны, как реплики в диалоге, с рядом текстов других авторов. Одно из таких произведений – «По делам службы» (1899).

А.С. Мелкова связывает проблематику рассказа «По делам службы» с развитием Чеховым мыслей Толстого и Меншикова о

счастье, изложенных ими в работах «В чем счастье?» и «Думы о счастье»: «26 ноября 1898 г. Чехов отправил Меньшикову для напечатания в «Книжках “Недели”» рассказ «По делам службы», в котором развивается тема статей Толстого и Меньшикова – тема самоубийства» [Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков 2005: 409]. Вспомним, однако, оценку Чеховым «Семьи Поланецких» Сенкевича, где отмечается незнание польским автором таких авторитетов, как Толстой и Ницше. У Ницше была своя концепция счастья. О ней, в частности, писал Михайловский, замечая, что «счастье, не заработанное личными усилиями, а подаренное – судьбой ли, самодовлеющим ли историческим процессом – не имеет для Ницше цены, не есть даже счастье» [Михайловский 1894: 121].

Говоря о литературной генеалогии рассказа, обратим внимание на то, что в записной книжке писателя наброски к рассказу «По делам службы» сделаны после многочисленных заготовок к повести «Три года» (С., 17, 10, 31, 33), которая создавалась якобы как «подражание» боборыкинскому «Перевалу». Очевидно, что проблематика будущего рассказа обдумывалась какое-то время параллельно с разработкой содержания повести.

Выскажем предположение, что рассказ «По делам службы» вырос из «бокового побега» повести «Три года». Со временем он был оформлен как отдельный, самостоятельный текст. «Общий знаменатель» двух чеховских произведений – скрытое в подтексте имя П. Д. Боборыкина. «Отпочкование» рассказов от замыслов больших произведений вообще характерно для творческого сознания Чехова. Так, «Сапожника и нечистую силу» мы склонны рассматривать как рассказ, который генетически связан с «Припадком», а фельетон «В Москве» – в связке с «Дуэлью». Во всех случаях перед нами однотипные явления: есть крупное программное произведение – «планета», и есть текст-спутник, автономный и вместе с тем находящийся на ее смысловой орбите.

Комментируя «По делам службы» в академическом собрании сочинений, А. С. Мелкова указала на один из потенциальных источников, давших импульс для создателя рассказа: «Возможно, появление первой заметки к рассказу «По делам службы» в записной книжке Чехова 1891 г. связано с книгой старого знакомого Чехова, с которым он в 1884-1885 гг. встречался в Звенигородском уезде Московской губернии, врача П. Г. Розанова, – «О самоубийстве». М., 1891. Разбирая причины и статистику самоубийств в Москве с 1870 по 1885 г., Розанов делал вывод о людях с “невропатической конституцией”, кончающих самоубийством неожиданно, без видимой

причины...» (С., 10, 398-399). То, о чем пишет П. Г. Розанов, имело философское обоснование в трудах Ф. Ницше, М. Нордау, М. Штирнера. Анонимный автор статьи в «Вестнике иностранной литературы» отмечал особенности понимания философом самоубийства: «Ницше был сторонником добровольной смерти, не трусливой смерти, составляющей измену и бегство, но смерти, так сказать, активной, смерти с любовью к жизни, смерти, составляющей акт самоупражнения» [Б.а. 1895: 206]. Так что и в данном случае выход на Ницше не противоречит общей концепции. Однако трудно не заметить в рассказе «По делам службы» то, что «акт самоупражнения» человека трактуется Чеховым совсем по-другому. Для него это не столько особая форма проявления активности индивида, сколько его слабости, духовной безпорности. Для таких людей, как Лошадин, выходец из деревни Недощётовой, опорой является народный Бог, и простые неколебимые истины, вроде той, что «на свете неправдой не проживешь» (С., 10, 91). Для молодого барина Лесницкого такая наивная цельная вера невозможна.

Говоря о характере постановки проблемы самоубийства в творчестве Чехова, отметим привычную для писателя биполярность, особую «пространственность» ее понимания и истолкования. Вспомним, что самоубийство для Чехова – один из вариантов непреодолимой литературной банальности: «...герой или женись или застрелись» (П., 5, 72). В рассказе «Два газетчика» (1885) феномен самоубийства откровенно профанируется: «Рыбкин накинул себе петлю на шею и с удовольствием повесился. Шлепкин сел за стол и в один миг написал заметку о самоубийстве, некролог Рыбкина, фельетон по поводу частых самоубийств, передовую об усилении кары, налагаемой на самоубийц, и еще несколько статей на ту же тему. Написав всё это, он положил в карман и весело побежал в редакцию, где его ждали мзда, слава и читатели» (С., 4, 158).

Возвратимся к рассказу «По делам службы». Векторы интертекстуальности в нем разнонаправлены. Ассоциативный потенциал топонима «деревня Недощётово» связан с названиями родных деревень крестьян-правдоискателей из «Кому на Руси жить хорошо?»: «Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка тож». По сути, один из ключевых вопросов, живущих в сознании автора рассказа «По делам службы», совпадает с тем, которым ранее задавался автор поэмы: «Кому живётся весело, вольготно на Руси?». Ответ Некрасова, с которым, видимо, был солидарен и Чехов, прост и одновременно драматичен – «никому».

Напомним, что одной из отличительных особенностей взглядов

немецкого философа является признание двух типов морали, противопоставленных друг другу: морали рабов и господ. В рассказе «мораль рабов» связана с образом «цощкого» Лошадина, а «мораль господ» – с молодым самоубийцей Леснищим и его семейством. Чехов фактически полемизирует с Ницше: вместо резкого противопоставления двух моралей в рассказе показана их конвергенция, приводящая к сближению судеб. Недаром во сне Лыжина Лесницкий и Лошадин идут «бок о бок, поддерживая друг друга» (С., 10, 98-99). Если Ницше устанавливает своего рода закон, согласно которому «господа» по природе своей счастливы, а «рабы» – нет, то у Чехова те и другие несчастны, при этом границы между социумами оказываются стертymi. Молодой барин Лесницкий не слишком отличается от мужиков, среди которых он вынужден жить.

Есть смысл сопоставить в свете ницшеанских идей двух героев из разных произведений Чехова: Костю Треплева и Сергея Сергееча Лесницкого. Основание для их сравнения очевидно – оба самоубийцы. Более спорно другое их сходство – декадентство. Если в случае с Треплевым можно опереться на реплику Аркадиной, в минуту гнева обзывающей своего сына «декадентом» и «киевским мещанином», то в случае с Леснищим такой опоры нет. Однако и второго героя можно признать «декадентом», вкладывая в слово тот смысл, который придавал ему Ницше. Вновь обратимся к статье Михайловского, где представлена апология декадента и декадентства, по Ницше: «Преданным ученикам нет надобности протестовать и против слова "декадент" – учитель сам себя так называл» [Михайловский 1894: 113]. Суть декадентства немецкого философа Михайловский усматривает в самоизоляции человека и в его индифферентизме к окружающей жизни.

Слово «индифферентизм» к середине девяностых годов XIX века стало знаковым, недаром Чехов употребил его в «Чайке», где оно носит отчасти объектный характер, то есть является не только изображающим, но и изображаемым (в кругозоре автора), своеобразным словом-вещью. Медведев говорит Маше: «Я люблю вас <...> и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны» (С., 13, 6). Про индифферентную Машу, влюбленную в «декадента» Треплева, можно было бы сказать, что она «бессознательная нищанка», чувствующая в молодом писателе родственную душу.

В тексте «Идиота» Достоевского есть важное замечание, которое с известными оговорками можно транспонировать на Чехова для понимания проблематики рассматриваемого здесь явления. В начале четвертой части романа безличный повествователь замечает, что «в

действительности типичность лиц как бы разбавляется водой и все эти Жорж Дандены и Подколесины существуют действительно, снуют и бегают перед нами ежедневно, но как бы в несколько разжиженном состоянии» [Достоевский 1989: 113]. Про героев Чехова можно сказать, что его «нищешанцы», как и «шопенгауэрианцы» и другие философские типы, «разбавленные водой», «снуют и бегают» перед читателем, при этом вовсе не думая и не подозревая о своей философской генеалогии. Вспомним в этой связи реплику Ивана Дмитрича Громова из «Палаты № 6» о том, что в современной действительности «философствуют все, даже мелюзга» (С., 8, 122). Очевидно, что нищешанские идеи Чехов рассматривал как модификацию и концентрацию того, что ранее уже существовало в жизни общества, но не было последовательно и ясно осмыслено и отрефлектировано.

Говоря о Ницше как апологете декадентства, Михайловский приводит цитату из его работы: «Что меня в сущности больше всего занимало – так это проблема декадентства. Для этого я имею все основания. Вопрос о “добре” и “зле” есть не что иное, как только вариация этой проблемы. Если мы будем иметь общий взгляд на симптомы декадентства, тогда станет понятным смысл морали... Для того, чтобы выполнить такого рода задачу, мне была необходима известного рода выдержка; мне надо было объявить войну всему, что было во мне больного <...>; мне надо было изолироваться, *сделаться на некоторое время индифферентным ко всему*, овладеть собою в виду всех веяний века, всех удобств его». В итоге Михайловский приходит к выводу о том, что *«своеобразно понимаемая “проблема декадентства”, действительно составляет если не центр, то один из важнейших центров всех умственных интересов Ницше»* [Михайловский 1894: 114].

Трудно сказать, в какой мере самоубийца Лесницкий был одним из массы философствующей мелюзги, а тем более декадентом. Об этом в рассказе нет ни слова. Герою дана всего одна реплика, да и та в отраженном виде. Сотский вспоминает про молодого барина: «...ходит и всё в землю глядит, глядит и молчит; окликнешь его у самого уха: “Сергей Сергеич!” – а он оглянется этак: “А?” – и опять глядит в землю. А теперь, видишь, руки на себя наложил» (С., 10, 91). Междометие «а?» в полной мере передает крайнюю степень самоизоляции героя, его сосредоточенность на себе и, как следствие, идифферентность к окружающему. Фамилия героя «Лесницкий», быть может, связана с ассоциативным вызовом в сознании читателя известной фразы из «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь

дойдя до середины, я оказался в сумрачном *лесу*». Это «сумрачный лес» из идей и веяний времени, ориентироваться и разбираться в которых у Лесницкого не оказалось сил.

Если русские нищиеанцы у Боборыкина были книжными философами, искали опоры в философских трудах прошлого или современности, то у Чехова сама жизнь заставляет героев становиться философами. И выражается их философия не в сфере мысли, а в сфере действия, поступка, чувствования. Русский декадент-нищиеанец (вовсе не думающий о своем нищиеанстве) у Чехова не рассуждает, а просто стреляется.

Молодой самоубийца Лесницкий метафизически помогает Лыжину совершить духовное открытие, герои связываются невидимой, но прочной нитью. Вдобавок к этому Лыжин окликает еще одного героя, из чужого произведения. Зададимся вопросом: почему Чехов дал своему герою фамилию Лыжин, зная, что относительно недавно она была употреблена в «Перевале» Боборыкина, который он читал? Не есть ли это своеобразная форма отсылки к тексту чужого романа? Отметим сходство обоих Лыжиных в плане профессиональном. Герой романа – «бывший юрист», «кандидат прав» (1, 83; 4, 536). Можно сказать так, что Лыжин Боборыкина и Лыжин Чехова соотносятся между собой как две разные вариации «на тему Нище».

Остановимся на нескольких деталях образа чеховского Лыжина. Его профессиональный статус определен в первой фразе рассказа: «*Исправляющий должность судебного следователя и уездный врач ехали на вскрытие в село Сырню*» (С., 10, 86). Почему было не сделать Лыжина просто судебным следователем, что от этого изменилось бы в содержании рассказа? Кажется, что ничего. Для ответа на поставленный вопрос надо обратиться к другим произведениям Чехова. Очевидно, ближайшей по времени параллелью Лыжину в этом плане может служить преосвященный Пётр из предпоследнего рассказа Чехова, который является своеобразным «и.о.» архиерея: «Епархиальный архиерей, старый, очень полный, был болен ревматизмом или подагрой и уже месяц не вставал с постели. Преосвященный Пётр проводывал его почти каждый день и принимал *вместо него* просятелей» (С., 10, 194). И Лыжин, и преосвященный Пётр «исправляют должность», которая внутренне чужда им. Она является знаком неподлинности их внешнего ролевого существования. Сложившаяся социально-ролевая оболочка и внутренне личностное начало находятся в дисгармонии, противоречии. Оба героя, в своём стремлении к подлинной жизни, стараются прорвать эту оболочку,

выйти за ее пределы. Лыжину в этом помогает самоубийца Лесницкий, а Пётр достигает этого ценой собственной жизни.

Следователь по роду своей деятельности должен быть носителем рационально-логического начала. Лыжин же показан со стороны эмоциональной, рефлексивной: «И он чувствовал, что это самоубийство и мужицкое горе лежат и на его совести; мириться с тем, что эти люди, покорные своему жребью, взвалили на себя самое тяжелое и темное в жизни – как это ужасно!» (С., 10, 100). В сущности, духовное прозрение Лыжина близко к тому, что испытал Иван Великопольский, герой рассказа «Студент». Интуитивно познанная им мысль-чувство о том, что прошлое связано с настоящим «непрерывной цепью событий» (С., 8, 309) сродни мыслечувству Лыжина о всеобщей связи людей, их всеобщей взаимозависимости. Поездка в Сырню стала для Лыжина настоящим «перевалом» в его духовном самоопределении. Если Ницше провозглашал величие отдельной сильной личности, живущей в своем автономном мире, индифферентной ко всему окружающему, то в рассказе «По делам службы» отразилась принципиально антиницшеанская точка зрения автора на человека и его бытие в мире.

Последний раз Чехов обращается к Ницше в «Вишневом саде», когда прошло десять лет с начала размышлений писателя над идеями немецкого философа. Известная реплика Симеонова-Пищика, последнего чеховского «ницшеанца», открыто иронична. Фраза о том, что «Ницше... философ... величайший, знаменитейший... громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно» (С., 13, 230) – это своего рода «иронические скобки», которые закрывают тему Ницше у Чехова. Обратим внимание на одну важную деталь: герой говорит не «фальшивые деньги», имея в виду их, а «фальшивые *бумажки*». Не будем ломиться в открытую дверь для доказательства неслучайности именно такого словоупотребления. Выражение «фальшивые бумажки» имеет «лазейку», которая связана с проникновением в объектное изображенное слово героя авторской интенции, авторского сознания. De facto перед нами пример двуинтонационного, двунаправленного слова в драматургии. «Фальшивые бумажки» – это, помимо прочего, еще и преломлённая засурдиненная имплицитная оценка Чеховым Ницше. Последние коррективы в отношении автора «Вишневом сада» к немецкому философу внесла близкая смерть писателя.

Не менее показательна ответная реплика Пети Трофимова на слова Симеонова-Пищика о Ницше: «А вы читали Ницше?». По оформлению она является калькой с предшествующей реплики

Епиходова: «Вы читали Бокля?» (С., 13, 216). Есть и другой известный вариант реплики: «Вы изволили читать «Гамбургскую драматургию» Лессинга? (С., 8, 316). Одни герои читают «разных там Боклей» (С., 10, 44), другие – «Лессингов», третьи – Ницше. Во всех случаях имена ученых – это знак не только псевдоучёности чеховских героев, их претензии на образованность, но еще и схоластики, которая обнаруживает свою фальшь перед неизбежными суровыми реалиями действительности, перед лицом неизбежной смерти. Жизнь, в конечном итоге, всегда оказывается и сложнее и проще, чем умозрения любых философов.

ЛИТЕРАТУРА

Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков : Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / сост. статьи, подгот. текстов, примеч. А. С. Мелковой. М. : Русский путь, 2005.

Б. а. Идеи Фридриха Ницше // Вестник иностранной литературы. 1895. № 2.

Боборыкин П. Д. Перевал // Вестник Европы. 1894. № 1 – 6.

Боборыкин П. Д. О нищезнстве (Памяти В. П. Преображенского) // Вопросы философии и психологии. 1900. № IV (54).

Гаст Петр. Предисловие к соч. Фр. Ницше «Так говорил Заратустра» (перевод с немецкого Н.З. В-ва) // Жизнь. 1898. № 36.

Громов М. П. Книга о Чехове. М. : Современник. 1989.

Грот Н. Я. Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой // Вопросы философии и психологии. 1893. № 16.

Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Л. : Наука, 1989. Т.6.

Иванюков И. И. Уныние и пессимизм современного культурного общества // Северный вестник. 1885. № 2.

Клюс Э. Ницше в России. Революция морального сознания // URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/klus_nicshе/02.aspx (дата обращения: 12.11. 2014).

Цертелев Д., кн. Критика вырождения и вырождение критики // Русский вестник. 1897. № 3.

Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1894. № 11.

Нымм Елена «Новый человек» в повести И. Ясинского «Учитель» (1886) // URL: <http://www.ruthenia.ru/document/397034.html> (дата обращения: 12.11. 2014).

Протопопов М. Свободное творчество // Русское богатство. 1894.

№ 9.

Протопопов М. Беллетрист-публицист // Русская мысль. 1892. № 11-12.

Рейфилд Дональд Жизнь Антона Чехова / пер. с англ. О. Макаровой. М. : Изд-во «Независимая Газета», 2005.

Суворин А. С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889-1903). М. : Алгоритм, 2005.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974-1982.

Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М. : Худож. лит., 1981.